

УДК 343.982.3

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.485-491

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЧИСТЯКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики Юридического института,
Российский университет дружбы народов (РУДН),
профессор кафедры частного права института государственного
управления и права, Государственный университет управления,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: sauber60@yandex.ru;

ЭЛЕОНОРА ЮРЬЕВНА БАДАЛЬЯНЦ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин,
Московский университет имени С. Ю. Витте (Рязанский филиал),
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kafupikr2011@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЭПИДЕМИЙ И ПАНДЕМИЙ

Для цитирования

Чистяков, А. А. Уголовно-правовые меры борьбы с распространением эпидемий и пандемий / А. А. Чистяков, Э. Ю. Бадалянец // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 485–491. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.485-491.

Аннотация. В статье рассматривается проблема уголовно-правового противодействия распространению эпидемий и пандемий. Анализируется отечественный опыт в данной области и выявляются особенности современного уголовного законодательства в части регламентации ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях пандемии коронавирусного заболевания COVID-19 и за распространение фейковой информации о пандемии и вакцинации. Определена необходимость дальнейших научных исследований в области уголовно-правового противодействия пандемиям и совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: заражение, коронавирусная инфекция, пандемия, санитарно-эпидемиологические правила, фейковая информация, эпидемия, COVID-19.

В XXI в. мир столкнулся с таким явлением, как всеобщая пандемия COVID-19. Уже подзабыты такие страшные заболевания, как чума, черная оспа, сибирская язва и холера.

© Чистяков А. А., Бадалянец Э. Ю., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ра. На смену пришли ВИЧ-инфекция и пандемия коронавируса. Стало очевидным, что предупреждение распространения опасных инфекционных заболеваний требует жестких государственно-правовых мер, среди которых особое значение имеют уголовно-правовые средства противодействия распространению опасных инфекционных заболеваний.

Предваряя современный этап борьбы с инфекционными заболеваниями, их массовым распространением, следует отметить, что противоэпидемические и карантинные мероприятия проводились в России издревле. Например, грамота «О встрече и принятии отпущенного из Москвы в Курск, по причине происшедших там болезней, животворящего креста господня с мощами» (20 февраля 1649 г.) содержала упоминание о случаях заболевания жителей Курска «нападными болезнями». Указы от 30 июля 1656 г., от 15 июля 1657 г., от 5 августа 1656 г. определяли основы организации карантина и предотвращения распространения инфекции в государстве. Среди перечисленных актов следует отметить Указ от 30 июля 1656 г. «О предосторожности в Москве от Морового поветрия», которым предписывалось строительство застав, «чтоб никакие люди к Москве не проезжали и пешие не проходили». За размещение и предоставление возможности передвижения по Москве лицам, приехавшим из очагов инфекции, полагалась смертная казнь. Государственные противоэпидемические мероприятия содержатся в указах периода царствования Иоанна и Петра Алексеевича «О неторговании рыбою и мясом в шалашах и на скамьях и о сломке оных» (Указ от 11 августа 1683 г.). Именные указы Петра I от 3 октября 1688 г. «О свозе нечистоты с улиц и переулков в Москве» и от 22 февраля 1709 г. «О наблюдении Московским обывателям чистоты на дворах и на улицах, о свозе всякаго помету на Земляной город и содержании мостовой в исправности», кроме санитарных требований, содержали санкции за несоблюдение чистоты. В случае нарушения данных правил виновные должны были очищать город от мусора и нечистот, а за уклонение подвергались денежному штрафу либо битью батогами или кнутом.

Осуществлялась борьба и со слухами о заболеваниях и эпидемии. В августе 1830 г. был опубликован манифест «О смятении, бывшем в некоторых Губерниях и Санкт-Петербурге, по случаю разнесшихся нелепых слухов о мнимых причинах смертности при появлении эпидемической болезни холеры». В сентябре 1830 г. во время эпидемии холеры Николай I обратился с личным письмом к министру внутренних дел графу А. А. Закревскому «О принятии решительных мер к прекращению эпидемической болезни холеры».

В 1841 г. Александр I утвердил Устав о карантинах. Под карантинном в России понималось учреждение для содержания лиц, приехавших из мест, где есть чума или иная заразная болезнь, а также места для дезинфекции товаров. Целью карантинных учреждений была охрана государства от чумы и других болезней. Устав предусматривал государственные меры, направленные на борьбу с эпидемиями. Иностранное судно принималось в российском порту только при наличии специального свидетельства – карантинного вида, заверенного медицинским чиновником и удостоверявшего в безопасности находящихся на судне людей, товара и иного груза. Если в стране, из которой направлялись суда в Россию, отсутствовали карантинные заведения, им разрешалось прибытие только в строго отведенные российские порты, где были организованы специальные карантинные таможни.

Обращает на себя внимание тот факт, что «карантин» как правовой термин и юридическая категория исторически имел и продолжает иметь широкое значение. Карантин (от фр. *quarantaine*, итал. *quarantena* – сорок дней) – комплекс ограничительных и режимных противоэпидемических мероприятий, направленных на ограничение контактов (изоляция). В свою очередь, изоляция (от фр. *isolation* – разобщать) представляет собой обособление кого-либо или чего-либо, лишение связи с окружающей средой.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) установило уголовную ответственность за нарушение карантинных мер («О нарушении уставов карантинных»); за нарушение эпидемиологических правил («О нарушении постановлений против распространения повальных или прилипчивых болезней»; «О нарушении правил для погребения мертвых»; «О нарушении уставов врачебных»). Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (в ред. 1885 г.) содержало нормы, предусматривающие смертную казнь за нарушение карантинных уставов (ст. 831, 832). Смертной казнью карались подделка документа, использование поддельного или чужого документа с целью избежать карантин; сокрытие на корабле и транспорте товаров, находившихся в зараженной зоне (ст. 834, 852 Уложения). Устанавливалась ответственность за приобретение и владение вещами, привезенными или доставленными из зараженных мест (ст. 836), за общение между собой лиц, состоящих под карантинным надзором (ст. 837), за торговлю в карантинной черте (ст. 838, 839). Тюремным заключением каралось недонесение органам власти об обнаружении зараженных людей, о собственном заражении, о фактах пользования зараженными вещами и т. д. (ст. 844 Уложения). Уголовное уложение 1903 г. устанавливало ответственность за нарушение правил по охране здоровья населения и за деяния, касающиеся инфекционных болезней, и нарушение похоронных правил.

Система уголовно-правовых норм в советском уголовном праве (УК РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г.) была направлена, главным образом, на борьбу с заражением других лиц венерическими заболеваниями и с нарушением санитарно-эпидемиологических правил. Обозначенные направления уголовно-правового противодействия, ввиду их безусловной значимости, сохранены и в современном уголовном законодательстве.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) устанавливает уголовную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности массовое заболевание или отравление людей либо создавшее угрозу наступления таких последствий (ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил») и за нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами, если это повлекло причинение вреда здоровью человека, распространение эпидемий или эпизоотий либо иные тяжкие последствия (ст. 248 УК РФ «Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами»).

Указанные нормы направлены на охрану человека от опасных заболеваний и содержат конструктивные признаки: «массовое заболевание людей» и «распространение эпидемий». При этом следует понимать, что нарушение санитарно-эпидемиологических правил влечет за собой массовое заболевание, отравление, смерть человека, а эпидемия является результатом нарушения правил в области обращения с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами.

Мировая проблема распространения вируса COVID-19 привела к необходимости принятия решительных мер как на международном, так и на национальном уровне. В наш лексикон вошли такие термины, как: «эпидемия», «пандемия», «карантин», «санитарно-эпидемиологическое благополучие», что требует их дополнительного уточнения. Изучим филологическое толкование терминов «эпидемия» и «пандемия». Эпидемия (от гр. *epi* – среди и *demos* – народ) – повальная, заразительная болезнь среди населения. Пандемия (от гр. *pandemos* – весь народ) – необычайно сильная эпидемия, распространившаяся на территории стран и континентов. Таким образом, оба термина предполагают, что заболевание (инфекция) охватит большое количество населения с той лишь разницей, что при эпидемии болезнь (инфекция) будет распространяться среди населения, а охват при пандемии будет более

обширным и затронет страны и континенты. Именно последнее и имело место в результате распространения в мире вируса COVID-19.

Российская Федерация предприняла комплекс мер медико-правового характера для пресечения распространения вируса COVID-19, в том числе были внесены существенные изменения в УК РФ, так как наличие только ст. 236 и 248 УК РФ недостаточны для уголовно-правового противодействия с новыми проявлениями, несущими в себе особую общественную опасность в период распространения пандемии. Одним из таких проявлений стало массовое распространение в обществе фейковой информации как о самом вирусе COVID-19, так и о создаваемых вакцинах. В широком смысле fake-news – это любая недостоверная, заведомо ложная информация. Чаще всего это сплетни, слухи, вымыслы и пропаганда. Цель такой информации – максимально распространить ложь, ввести аудиторию в заблуждение. Понятие «фейк», по утверждению В. В. Дорофеевой, «включает в себя ряд самых разнообразных явлений медиасреды: от поддельных текстов, а также фото-, видео- или аудиозаписей до искусственно созданного по заданию заказчика... проекта...» [1, с. 777]. Производители ложной информации руководствуются тем, чтобы привлечь и максимально удержать общественный интерес. Фейковые новости манипулируют общественным сознанием.

Обилие фальшивых сообщений, маскирующихся под новости о распространении коронавирусной инфекции и о вакцинации, в последнее время достигло критической отметки, что предопределило необходимость противодействия им уголовно-правовыми средствами. В результате принятия Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ УК РФ был дополнен двумя новыми составами – ст. 207.1 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и ст. 207.2 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия», устанавливающими уголовную ответственность за распространение заведомо ложной информации.

Верховный Суд РФ разъяснил, что под заведомо ложной информацией, в том числе об обстоятельствах распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т. п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему (вопрос № 12 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г.).

В 2020 г. в результате принятия Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ претерпела изменения и ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил». Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и иных нормативно-правовых актов Российской Федерации. Под санитарно-эпидемиологическим благополучием населения понимается такое состояние здоровья населения и среды обитания человека, которое характеризуется двумя основными показателями: отсутствием вредного воздействия факторов среды обитания на человека и обеспечением благоприятных условий жизнедеятельности человека. Если до внесения соответствующих изменений в ст. 236 УК РФ привлечение к уголовной ответственности по данной норме предполагалось по результатам наступивших последствий (массового заболевания или отравления лю-

дей), то в настоящее время достаточно создания угрозы наступления таких последствий. По справедливому мнению, высказанному в публикации, подготовленной Филиалом партнерства с ограниченной ответственностью Брайан Кейв Лейтон Пейзнер ЛЛП в г. Москве, «под понятие «создание угрозы» может подпадать деяние в виде контактов инфицированного человека с неопределенным кругом лиц» [2].

Пандемия коронавирусной инфекции сопровождается разноплановыми действиями, представляющими общественную опасность для общества и государства. Из изложенного следует, что часть таких действий посягает на здоровье населения и связана с нарушениями санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ), а часть – с распространением фейковой информации (ст. 207.1, 207.2 УК РФ). Однако данным перечнем не ограничивается криминальная составляющая такой глобальной проблемы современности, как пандемия коронавирусной инфекции, вызванная коронавирусом SARS-CoV-2. Определенная часть населения относится к коронавирусной инфекции пренебрежительно, а некоторые граждане, получив положительный тест на наличие инфекции, не соблюдают требования действующих правил о самоизоляции и карантине, проявляют безответственное поведение, умышленно стремясь заразить других людей. Такие случаи фиксируются не только в России, но и в других странах мира. Как передавало информационное агентство «РИА Новости», еще в начале 2020 г. власти китайской провинции Хубэй опубликовали уведомление, согласно которому «носители нового коронавируса, которые плюются в общественных местах и намеренно распространяют вирус, ставя под угрозу безопасность других, могут быть привлечены к уголовной ответственности» [3].

Умышленное заражение коронавирусной инфекцией других лиц, как представляется, выходит за рамки ст. 236 УК РФ и требует отдельной квалификации, аналогичной той, которая предусмотрена для лиц, умышленно заражающих других лиц венерической болезнью (ст. 121 УК РФ) либо ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ). Такое утверждение, в частности, основано на различиях в объективных признаках посягательства: если нарушение санитарно-эпидемиологических правил является посягательством на здоровье населения в целом, то при умышленном заражении других лиц COVID-19 имеет место посягательство на здоровье конкретного человека.

По мнению С. В. Расторопова, «непосредственным объектом заражения венерической болезнью выступают общественные отношения, обеспечивающие здоровье другого человека от действительного заражения венерической болезнью» [4, с. 254].

В свою очередь, непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 122 УК РФ, является здоровье другого лица. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 121 УК РФ, может быть выражена лишь в заражении другого лица венерической болезнью. В то время как объективная сторона преступления, регламентированного ст. 122 УК РФ, характеризуется тремя альтернативными формами проявления: заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией (ч. 1 ст. 122); заражение другого лица ВИЧ-инфекцией (ч. 2 ст. 122); заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 4 ст. 122).

Филологическое толкование термина «заражение» показывает, что под ним подразумевается передача заразы кому-нибудь. В свою очередь, слово «зараза» означает «болезнетворное начало, распространяемое микробами». Согласно Словарю русского языка С. И. Ожегова термин «заражать» объясняется как «поражать, убивать, разить на смерть... сообщать что-либо вредное, губительное, особо наносную болезнь», а «зараза» – как «заразительный яд» [5, с. 153].

Умышленное заражение другого лица COVID-19, на наш взгляд, должно быть криминализовано аналогично тому, как это сделано в отношении заражения венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией. Такое утверждение основано на пандемическом характере распространения COVID-19 (распространение инфекции по всему миру), серьезных осложнениях для здоровья человека, перенесшего данную инфекцию, на достаточно высоком уровне смертности. По официальным данным Коммуникационного центра Правительства РФ, совокупное число заболевших в мире на 14 июня 2021 г. составляет более 176,7 млн, а умерших – более 3,8 млн [6].

Масштабность и опасность COVID-19 для здоровья граждан предопределило решение Правительства РФ об отнесении коронавирусной инфекции (2019-nCoV) к числу заболеваний, представляющих опасность для окружающих (постановление Правительства РФ от 31 января 2020 г. № 66). Обращает на себя внимание тот факт, что в Перечне заболеваний, представляющих опасность для окружающих, утвержденных постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715, в числе опасных заболеваний обозначена болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), а также инфекции, передающиеся преимущественно половым путем. Опасность COVID-19 для окружающих, таким образом, приравнена к опасности венерических заболеваний и ВИЧ-инфекции, что служит дополнительным подтверждением обоснованности предложения о необходимости криминализации умышленного заражения коронавирусной инфекцией.

Нарушение санитарно-эпидемиологических правил, фейковая информация, умышленное заражение других лиц инфекцией – это только часть общественно опасных проявлений, сопровождающих пандемию коронавируса. Правовая проблематика в рассматриваемой области обозначенными аспектами не ограничивается. Г. С. Шкабин справедливо поднимает проблему «коллизии жизней» и призывает научное сообщество обратить внимание на необходимость ее разрешения в правовом пространстве. Автор констатирует, что «интенсивность распространения заболевания и ограниченность медицинских ресурсов создают ситуации, в которых врачам приходится делать выбор между жизнью одного пациента и смертью другого» [7, с. 40]. Такой выбор достаточно труден с нравственной точки зрения. Медицинская этика призывает оказывать помощь каждому пациенту, однако как поступить врачу, если одновременно в больницу поступает множество тяжелобольных COVID-19, а аппаратов искусственной вентиляции легких на всех не хватает? В пользу какого пациента следует делать выбор? Кому в первую очередь предоставить аппарат ИВЛ? «Законодатель, не дающий прямой регламентации таких случаев, отдает их на «откуп» правоприменителям, оставляя лиц, действующих в интересах общества и государства, наедине с опасностью и под угрозой уголовной ответственности» [7, с. 48]. Решение обозначенной проблемы видится в реформировании института крайней необходимости, на чем и акцентирует внимание Г. С. Шкабин в своей научной публикации.

Обобщая изложенное, выделим следующие направления уголовно-правовой борьбы с распространением пандемии коронавирусной инфекции:

- регламентация ответственности за заведомо ложную информацию о пандемии и вакцинации (ст. 207.1, 207.2 УК РФ);
- регламентация ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях пандемии (ст. 236 УК РФ);
- криминализация умышленного заражения коронавирусной инфекцией;
- регламентация деятельности медицинского персонала при наличии проблемы коллизии жизней, совершенствование института обстоятельств, исключающих преступность деяния, и признание коронавирусной инфекции источником опасности при крайней необходимости.

Дальнейшая научная дискуссия и последующее совершенствование уголовного законодательства по обозначенным направлениям позволят, на наш взгляд, системно и конструктивно подойти к решению уголовно-правовых проблем, возникающих в связи с распространением пандемии коронавирусного заболевания COVID-19.

Библиографический список

1. Дорофеева В. В. Фейковые новости в современном медиапространстве // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 4. С. 774–786.
2. Ужесточение уголовной ответственности в связи с распространением COVID-19 // Филиал партнерства с ограниченной ответственностью Брайан Кейв Лейтон Пейзнер (Раша) ЛЛП в г. Москве. URL : <https://bclplaw.ru/actual/legal/88298> (дата обращения: 10.06.2021).
3. В Китае будут наказывать за намеренное заражение коронавирусом // РИА Новости. 2020. 30 янв. URL : https://ria.ru/20200130/1564038777.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 10.06.2021).
4. Расторопов С. В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств : монография. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. 462 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М. : Оникс ; Мир и образование, 2007. 1200 с.
6. Отчет о текущей ситуации по борьбе с коронавирусом (14.06.2021) // Коммуникационный центр Правительства Российской Федерации. URL : https://стопкоронавирус.рф/ai/html/3/attach/2021-06-14_coronavirus_government_report.pdf (дата обращения: 15.06.2021).
7. Шкабин Г. С. Пандемия COVID-19 как источник опасности при крайней необходимости // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Юриспруденция. 2020. № 3. С. 40–50.